

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2025, Том 13, № 2 / 2025, Vol. 13, Iss. 2 <https://mir-nauki.com/issue-2-2025.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN225.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Селезнева, Ю. В. Взаимосвязь личностных механизмов саморегуляции и готовности к риску у представителей различных этнических групп / Ю. В. Селезнева, А. Ю. Тарасова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 2. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN225.pdf>

For citation:

Selezneva Yu.V., Tarasova A.Yu. The relationship between personal mechanisms of self-regulation and risk tolerance among representatives of different ethnic groups. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(2): 12PSMN225. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN225.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00848) (2023 г.) «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков»

The research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00848) (2023) «The research of the value-semantic sphere and the development of technologies for the psychological rehabilitation of the population of the region of a local military conflict in the context new geopolitical risks»

УДК 159.99

Селезнева Юлия Викторовна

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Россия
Доцент кафедры «Общая и консультативная психология»

Кандидат психологических наук

E-mail: yulya.selezneva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0630-5051>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1084160

Тарасова Анастасия Юрьевна

Медико-психологический центр «Люмос», Ростов-на-Дону, Россия
Психолог

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1171763

**Взаимосвязь личностных механизмов
саморегуляции и готовности к риску у представителей
различных этнических групп**

Аннотация. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования готовности к риску как личностного свойства саморегуляции у представителей русской, чеченской и армянской этнических групп. Методы и методики исследования: Тест жизнестойкости, С. Маади; Тест смысложизненных ориентаций, в адаптации Д. Леонтьева; Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98» (В.И. Моросанова); «Личностные факторы принятия решений» (Т. Корнилова); Мельбурнский опросник принятия решений (в адаптации Т.В. Корниловой); Томский опросник ригидности (Г.В. Залевский). В результате исследования выявлены различия в проявлении готовности к риску у представителей различных этнических групп, а также зафиксированы связи между готовностью к риску и личностными механизмами саморегуляции в каждой этнической группе. Таким образом, независимо от этноса готовность к риску обеспечивает высокие возможности регуляторной автономности и гибкости. Однако, в отношении более частных связей и выявленных различий следует отметить, что для чеченского этноса дополнительно характерно наличие связей между

готовностью к риску и операциональными компонентами саморегуляции (что свидетельствует о том, что готовность к риску обеспечивает устойчивость общей системы саморегуляции для представителей данного этноса), а также рациональностью. Для представителей русской и армянской этнических групп зафиксированы отрицательные связи между готовностью к риску и показателями ригидности; для русской этнической группы дополнительно были зафиксированы положительные связи со шкалами жизнестойкости, что указывает на то, что для русского человека во многом параметры жизнестойкости определяют готовность и возможность актуализировать свой личностный потенциал и действовать в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: саморегуляция; готовность к риску; рациональность; жизнестойкость; ригидность; избегание; самостоятельность; гибкость

Введение

Проблема саморегуляции — одна из активно разрабатываемых в современной психологии. Турбулентность и неопределённость мира, высокий стрессогенный характер, информационные перегрузки актуализируют вопросы, связанные с исследованием личностных ресурсов саморегуляции. Являясь метаресурсом, сформированная система саморегуляции позволяет субъекту осознанно выдвигать цели, удерживать их и разрабатывать программы по их достижению. В психологии сложилось несколько подходов, раскрывающих понятие саморегуляции: психологические теории и концепции регуляции и саморегуляции личности, где понятие саморегуляции представлено как интегративный феномен личности, обеспечивающий саморазвитие и реализацию личностного потенциала [1–5]; в рамках психологии смысла — как перестройка личностных смыслов [6–8]; саморегуляция как контроль исполнительных когнитивных функций [9; 10]; как результат межличностных контактов и приобретения человеком опыта мыслительной деятельности, овладения эмоциями [11].

Таким образом, многообразие подходов отражает значимость данного конструкта для психологии и позволяет более детально рассмотреть специфику саморегуляции на личностном и поведенческом уровне. В рамках нашего исследования, опираясь на концепцию В.И. Моросановой под саморегуляцией мы понимаем систему универсальных регуляторных возможностей человека, позволяющих осознанно и самостоятельно выдвигать цели и управлять их достижением. В данном подходе, в структуре саморегуляции В.И. Моросанова выделяет личностные характеристики, такие как автономность, способность к преодолению трудностей, самостоятельность, гибкость и операционально-технические: способность планировать, корректировать программы действий, оценивать результаты. По мнению автора, личностные характеристики во многом определяют масштаб целей и способы их достижения [4]. В более поздних концепциях в системе саморегуляции автор помимо операциональных характеристик (планирование, оценивание результатов, программирование, моделирование) и личностных механизмов (самостоятельность, гибкость) выделила конструкт надежность, проявляющийся в устойчивости осознанной саморегуляции в сложных, психологически напряженных ситуациях [12].

В рамках нашего исследования основной исследовательский вопрос сфокусирован на изучении готовности к риску как личностного свойства саморегуляции и выявлении различий в проявлении готовности к риску у представителей разных этнокультурных групп. Изучение категории риска первоначально было представлено на уровне описания «склонности к риску» как рискованного поведения, которое преимущественно сопровождается импульсивностью и слабым самоконтролем. В более поздних исследованиях, в частности, в концепции

«надситуативной активности» В.А. Петровского «готовность к риску» представляет собой возможность человека проявлять активность на уровне ценностного отношения к риску в отношении людей, предметного мира и своего внутреннего [13]. Так, автор описывает две поведенческие стратегии: избегание угроз и принятие опасности («пространство неадаптивности») [13]. В продолжении анализа отметим концепцию интеллектуально-личностной регуляции Т. Корниловой (которая стала базовой для настоящего исследования), где готовность к риску понимается как свойство личностной регуляции, предполагающее личностное усилие субъекта и допущение возможности осуществить риск в действии и мышлении [14]. Так, автор выделяет «рациональность» как готовность действовать при условии возможно более полной ориентировки в ситуации и готовность к риску — возможность принимать решения без достаточной ориентировки в ситуации и полноты информации, опираясь и актуализируя весь свой личностный потенциал. В рамках данной концепции, готовность к риску задействует разноуровневые процессы саморегуляции действий субъекта и аспектов принятия решений.¹

Процедура исследования, методы и методики

Цель исследования: выявить этнокультурную специфику в проявлении готовности к риску у представителей различных этнокультурных групп.

Гипотезы исследования: (1) Вероятно, высокие показатели готовности к риску независимо от этноса взаимосвязаны с личностными механизмами саморегуляции, обеспечивая тем самым эффективность регуляторной автономности и гибкости; (2) Вероятно, готовность к риску как свойство личностной саморегуляции может иметь этнокультурную специфику и проявляться по-разному у представителей различных этнических групп.

Методики: методики направленные на исследование личностных ресурсов саморегуляции: (Тест жизнестойкости, С. Маади); смысложизненные ориентации (Тест смысложизненных ориентаций, в адаптации Д. Леонтьева); Методики, ориентированные на изучение личностных механизмов и свойств саморегуляции, стратегий принятия решений: Опросник саморегуляции (В.И. Моросанова); Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98» (В.И. Моросанова); «Личностные факторы принятия решений» (Т. Корнилова); Мельбурнский опросник принятия решений (сокр. МОПР, англ. Melbourne decision making questionnaire, сокр. MDMQ) — автор: Л. Манн и соавторы (L. Mann, P. Burnett, M. Radford, S. Ford, 1997), адаптирован Т.В. Корниловой; Томский опросник ригидности (ТОР; Г.В. Залевский). Полученные данные были обработаны с применением стандартных методов описательной математической статистики.

В качестве объекта исследования выступили представители армянской, чеченской, русской этнических групп (в возрасте от 30 до 65 лет; 292 человека). Представители армянской этнической группы, проживавшие на территории Армении (г. Ереван) — 74 человека; представители чеченской этнической группы (г. Грозный) — 87 человек; представители русской этнической группы (г. Ростов-на-Дону) — 131 человек.

Результаты исследования

В предыдущих публикациях нами было показано, что готовность к риску действительно может выступать адаптационным ресурсом личностной саморегуляции [14]. В рамках данной статьи предполагается описать основные результаты, позволяющие зафиксировать взаимосвязи

¹ Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: учебное пособие / Т.В. Корнилова. — Москва: Аспект Пресс, 2003. — 286 с.

между личностными механизмами саморегуляции и готовностью к риску, а также показать этнокультурную специфику в проявлении готовности к риску как личностного свойства саморегуляции.

На первом этапе исследования были проанализированы особенности принятия решений у представителей русской, армянской и чеченской этнических групп (методика «Личностные факторы принятия решений» (Т. Корнилова) (табл. 1)

Таблица 1

**Особенности принятия решений
у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп**

Представители этнических групп	Кол-во	Шкалы методики	
		рациональность	готовность к риску
Армяне	74	4,4	3,3
Чеченцы	87	6,8	3,9
Русские	131	5,6	0,8

Составлено авторами

Как видно из таблицы 1, представители русской этнической группы в большей степени при принятии решений ориентированы на полноту информации при принятии решений. Напротив, готовность к риску, как противоположная стратегия принятия решений в большей степени характерна для чеченской и армянской групп. Готовность к риску (вслед за Т.Н. Корниловой) мы рассматриваем как свойство личностной саморегуляции, проявляющееся в способности индивида полагаться на себя без достаточной интеллектуальной ориентировки. Большую роль при выборе данной стратегии играет способность субъекта опираться на свой личностный потенциал. В результате статистической проверки (с применением критерия Краскала-Уоллеса для нескольких независимых выборок) было установлено, что факторы принятия решений у представителей разных этнических групп может достоверно различаться (рис. 1).

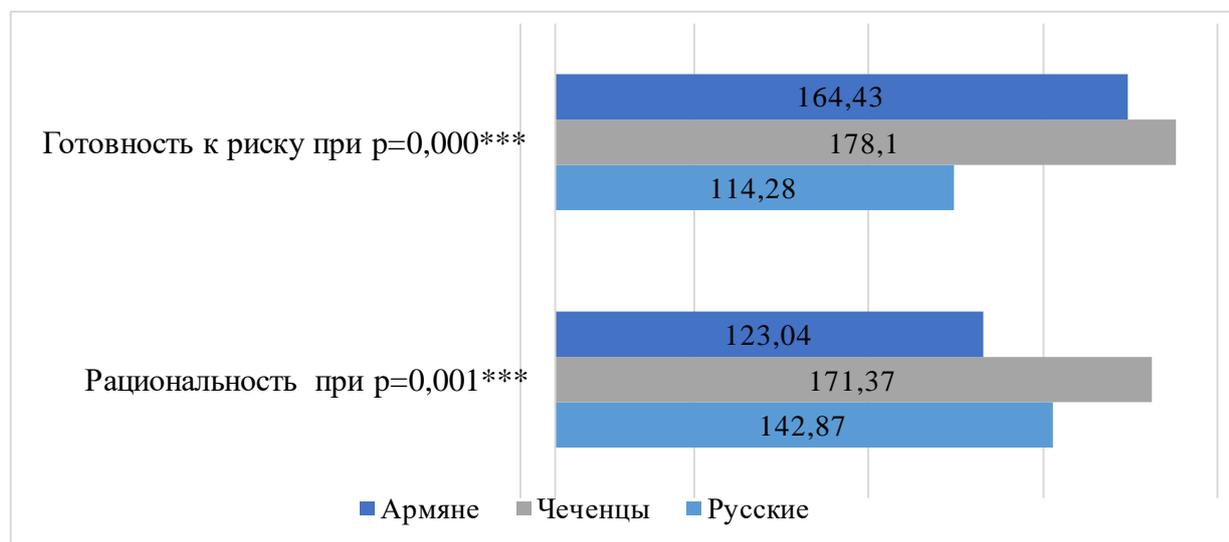

Рисунок 1. Статистически достоверные различия показателей личностных факторов принятия решений представителей армянской, чеченской и русской этнических групп (средние ранги) (составлено авторами)

Примечательно, что наименьшие значения по шкале «Готовность к риску» были получены в группе представителей русской этнической группы. Исследователи русского этноса, этнических характеристик русского человека отмечая необъятность, всеохватность,

недифференцированность природных ландшафтных условий связывают данные характеристики с характером и «душой русского человека. Так Н.А. Бердяев отмечает, что «есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» и далее «у русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» [15, с. 5]. Таким образом, можно предположить, что для представителей русской этнической группы возможности действия в условиях неопределенного негарантированного результата существенно ограничены.

Следующий этап исследования был направлен на выявление взаимосвязей между готовностью к риску и показателями саморегуляции, а также поведенческими копингами в ситуации стресса, показателями ригидности, и личностными механизмами саморегуляции (жизнестойкость и смысложизненные ориентации) (табл. 2).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа

Готовность к риску	Показатели саморегуляции	Коэффициент корреляции
Представители армянского этноса		
Готовность к риску	Симптомокомплекс ригидности	-0,147*
	Актуальная ригидность	-0,327***
	Избегание	-0,149*
	Оценка результатов	-0,158**
	Гибкость	0,290***
	Самостоятельность	0,243***
Представители чеченского этноса		
Готовность к риску	Рациональность	0,287*
	Сверхбдительность	-0,243*
	Планирование	0,323**
	Программирование	0,253*
	Гибкость	0,286**
	Самостоятельность	0,321**
	ОУ саморегуляции	0,309**
Представители русского этноса		
Готовность к риску	Симптомокомплекс ригидности	-0,241**
	Актуальная ригидность	-0,418***
	Ригидность как состояние	-0,275**
	Контроль	0,264**
	Жизнестойкость	0,175*
	Гибкость	0,346**
	Самостоятельность	0,193*

Уровень значимости *** при $p < 0,001$, ** при $p < 0,010$, * при $p < 0,050$. Составлено авторами

По результатам корреляционного анализа можно сделать следующие выводы: независимо от этноса готовность к риску положительно связана с личностными механизмами саморегуляции (гибкость, самостоятельность). Таким образом, чем выше готовность к риску, тем в большей степени представители всех этнических групп способны проявлять регуляторную автономность, самостоятельность планирования и корректировки задач, гибко перестраивать систему саморегуляции в зависимости от изменения внешних и внутренних условий. Между тем, для представителей армянского этноса зафиксированы отрицательные связи готовности к риску с избеганием (как непродуктивным копингом), а также с показателями ригидности, с операциональным механизмом личностной саморегуляции «Оценка результатов». Таким образом, готовность к риску для представителей данной группы не всегда обеспечивает устойчивость субъективных критериев оценки результатов, а также адекватность самооценки в ситуации корректировки программ действий. Готовность к риску, таким образом, для представителей армянского этноса во многом снижает возможности использования

непродуктивного копинга избегания, однако существенно повышает эффективность личностных механизмов саморегуляции и обеспечивает более широкий спектр поведенческих реакций.

Несколько другая картина характерна для представителей чеченской группы: готовность к риску взаимосвязана с операционально-техническими компонентами личностной саморегуляции, а также с личностными механизмами («Гибкость» и «Самостоятельность»). Таким образом, готовность к риску (как общая способность действовать в ситуации неопределенности) существенно повышает пластичность регуляторных процессов. Интересная положительная связь была зафиксирована в этой группе со шкалой «Рациональность». Можно предположить, что этноконфессиональные особенности представителей чеченского этноса и выявленные взаимосвязи могут быть объяснены через общую операциональность ислама как вероисповедания. В отличие от христианства (где человек — носитель образа Бога внутри), в исламе — человек поддерживает и реализует установленный Аллахом порядок и закон. Тематика четкого регламента, правил, следование нормам отличает религиозные практики в исламе и отчасти является важной составляющей исламской антропологии. С нашей точки зрения, наличие взаимосвязи между готовностью к риску и рациональностью возможно связано с этноконфессиональными особенностями и может проявляться у представителей чеченского этноса как возможность принимать риск в границах, которые должны быть четко очерчены. Таким образом, готовность к риску как адаптационный ресурс личностной саморегуляции снижает возможности неконструктивных копингов, существенно повышает возможности планирования, разработки и корректировки поведенческих программ. Данный тезис подтверждается положительными связями с операционально-техническими компонентами саморегуляции.

И, наконец, рассмотрим результаты корреляционного анализа в отношении представителей русского этноса. Готовность к риску, как и у представителей других этнических групп, взаимосвязана с такими личностными механизмами саморегуляции; дополнительно — со шкалой «Контроль»: а также зафиксированы отрицательные связи с показателями ригидности. В целом, заметим, что для представителей русской этнической группы характерно проявление готовности к риску при условии жизнестойкости (как способности к контролю и управлению событиями своей жизни). Учитывая, что данное свойство саморегуляции предполагает актуализацию личностного потенциала и может быть взаимосвязано с личностными ресурсами человека, следует отметить, что в отличие от других этнических групп для русской выборки показатели жизнестойкости (шкала «Контроль») во многом определяют готовность и принятие риска. Напротив, в ситуации низкого уровня жизнестойкости у представителей данной этнической группы проявления готовности к риску и адаптационные возможности могут быть существенно ограничены. Также, как и для армянского этноса для представителей русского этноса были зафиксированы отрицательные связи с показателями ригидности (симптомокомплекс ригидности, ригидность как состояние, актуальная ригидность).

Дискуссия

Исследования ресурсов саморегуляции становится важной задачей и в зарубежных исследованиях. Так, в исследовании J. Wang и Y. Sun, были изучены и описаны взаимосвязи самоконтроля, отношения ко времени и академической прокрастинации у студентов. Авторы отмечают, что самоконтроль выступает предиктором, влияющим на взаимосвязь между отношением ко времени и прокрастинацией. Таким образом, люди, которые при принятии решений имеют положительное ожидание будущих результатов, будут регулировать свое текущее поведение (самоконтроль) так, чтобы добиваться реализации долгосрочных целей, тем

самым снижая риск прокрастинации [16]. Идея взаимосвязи временной перспективы и самоэффективности становится центральной в данном исследовании. Таким образом, помимо жизнестойкости, смысловых ориентаций в качестве ресурса саморегуляции можно рассматривать и отношение ко времени. Необходимо заметить, что отдельная группа зарубежных и отечественных исследований связана с изучением взаимосвязи особенностей саморегуляции и временной перспективы. Так, в ряде исследований обосновывается роль сбалансированной временной перспективы и эффективности процессов саморегуляции. Отношение ко времени (фокус на будущем и позитивное восприятие прошлого) позволяет адекватно ставить цели, проявлять гибкость поведенческих программ, регуляторную автономность. Так, например, в исследовании Ю.В. Селезневой, Н.Е. Комеровой, Тарасовой А.Ю. зафиксированы положительные взаимосвязи саморегуляции со шкалой «Будущее» (методика Ф. Зимбардо «Отношение ко времени»), а также с жизнестойкостью; отрицательные связи — шкала «Негативное прошлое» с жизнестойкостью, общим уровнем саморегуляции, шкалой «моделирование» (методика «Стиль саморегуляции; В.И. Моросанова) [17]. Оценивая прошлый опыт как негативный, человек снижает свои возможности эффективно действовать на уровне процессов саморегуляции [17]. Таким образом, отношение ко времени также можно рассматривать как личностный ресурс, определяющий возможность человека эффективно действовать. Этот тезис интересен и в аспекте рассмотрения взаимосвязи между готовностью к риску и сбалансированной временной перспективой и требует дополнительного эмпирического изучения.

Говоря о ресурсах саморегуляции, важно анализировать и обратную сторону, а именно нарушения саморегуляции как системы. Так, Д.А. Леонтьев выделяет несколько возможных нарушений саморегуляции: отсутствие целевых ориентиров; сложно контролируемое действие; трудности в анализе ошибок и болезненная реакция на критику; нечувствительность к обратной связи либо сверхчувствительность [18]. Данные нарушения саморегуляции актуализируют проблемы влияния семьи и детского опыта на развитие системы саморегуляции и позволяют наметить перспективные линии настоящего исследования. Устойчивая система саморегуляции, таким образом, взаимосвязана не только с этнокультурным ресурсом, а также с личностным потенциалом, который начинает складываться уже в дошкольном возрасте и во многом определяет способность человека эффективно действовать.

Выводы и заключение

В заключении кратко остановимся на выводах и результатах проведенного исследования: независимо от этноса готовность к риску взаимосвязана с личностными механизмами саморегуляции (самостоятельность и гибкость); в отношении чеченской этнической группы дополнительно с операциональными компонентами саморегуляции; для русской — с параметрами жизнестойкости (шкала «Контроль»). Таким образом, готовность действовать в ситуации негарантированного результата и ограниченности информации повышает возможности регуляторной автономности и гибкости. Результаты исследования позволили также описать профили в проявлении готовности к риску для представителей русской, армянской, чеченской этнических групп. Таким образом, готовность к риску как свойство личностной саморегуляции может иметь этнокультурную специфику и проявляться по-разному у представителей различных этнических групп: для представителей русской и армянской этнических групп готовность к риску взаимосвязана с показателями ригидности, поведенческой гибкостью, самостоятельностью. В целом, можно зафиксировать сходную картину в отношении выявленных взаимосвязей у представителей армянской и русской этнических групп. Во многом это объясняется этноконфессиональными особенностями и сходством религиозных установок у представителей данных групп. У представителей

чеченской этнической группы были выявлены специфичные факторы в отношении готовности и принятия риска, что также можно объяснить, в том числе, через иные религиозные установки и как следствие жизненные приоритеты. Так, готовность к риску в этой группе связана с проявлением рациональности, а также с операциональными компонентами саморегуляции. Таким образом, для представителей чеченской этнической группы проявление готовности к риску возможно в границах, которые четко очерчены и осознанны с точки зрения рациональных способов принятия решений. Полученные результаты исследования позволили уточнить специфику в понимании этнокультурного потенциала и позволят в дальнейшем разрабатывать программы социально-психологической адаптации для представителей армянской, чеченской и русской этнических групп, учитывая этнокультурное своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров А.О. Ментальные механизмы регуляции психических состояний // Экспериментальная психология. — 2021. — Том 14. № 4. — С. 182–204.
2. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. // М.: Наука, 2011. — 320 с.
3. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2021. — № 1. — С. 4–37.
4. Моросанова В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2022. — Т. 15, № 3. — С. 57–83.
5. Осницкий А.К. Саморегуляции в разных видах активности человека // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования: Материалы научной конференции, Москва, 27-28 апреля 2021 года. — Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2021. — С. 43–47.
6. Асмолов А.Г., Битюцкая Е.В., Братусь Б.С., Леонтьев Д.А., Ушаков Д.В. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2023. — Т. 46, № 2. — С. 5–22.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-ое, испр. изд. // М. Смысл, 2003. — 487 с.
8. Тихомиров О.К. Принятие решения как психологическая проблема // Проблемы принятия решений / Под общ. ред. П.К. Анохина и др. М., 1976. — С. 77–81.
9. Zelazo D., Flores H., Self-Regulation and Executive Function // Handbook of Special Education Research, 2022. — Т. 1. — С. 285–298.
10. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. // New York: Springer Pub. Co. — 1984 — URL: <https://archive.org/details/stressappraisalc0000laza>.
11. Жане П. Психологическая эволюция личности / Пер. с фр. Н.Ю. Федунинной. — М.: Академический Проект, 2010. — 399 с.
12. В.И. Моросанова, Н.Г. Кондратюк, В.Н. Красников. Разработка шкалы «Надежность саморегуляции» для опросника «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ» // Теоретическая и экспериментальная психология — 2010. — Т. 3, № 1. — с. 79–83.
13. Петровский В.А. Человек над ситуацией / В.А. Петровский. — Москва: Смысл, 2010. — 559 с.

14. Селезнева Ю.В., Тарасова А.Ю. Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход. // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. — 2024 — Т 7, № 5 — С. 54–64 — URL: <https://www.inov-ppd.ru/jour/article/view/362>.
15. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. — М.: Правда, 1989. — 608 с.
16. Wang J., Sun Y. Time flies, but you're in control: the mediating effect of self-control between time attitude and academic procrastination // BMC Psychology, 2023. — URL: https://www.researchgate.net/publication/375608440_Time_flies_but_you're_in_control_of_the_mediating_effect_of_self-control_between_time_attitude_and_academic_procrastination.
17. Селезнева Ю.В. Жизнестойкость и восприятие времени как личностные ресурсы саморегуляции / Ю.В. Селезнева, Н.Е. Комерова, А.Ю. Тарасова // Российский психологический журнал. — 2024. — Т. 21, № 3. — С. 75–91.
18. Леонтьев Д.А. Структура и нарушения саморегуляции деятельности: точка роста культурно-исторической деятельностной психологии // Культурно-историческая психология. — 2024. — Т. 20, № 3. — С. 27–35.

Selezneva Yulya Viktorovna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: yulya.selezneva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0630-5051>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1084160

Tarasova Anastasya Yurevna

Lumos Medical and Psychological Center, Rostov-on-Don, Russia

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1171763

The relationship between personal mechanisms of self-regulation and risk tolerance among representatives of different ethnic groups

Abstract. This article presents the results of an empirical study of risk-taking as a personal characteristic of self-regulation among representatives of the Russian, Chechen and Armenian ethnic groups. Research methods and techniques: The test of resilience, S. Maadi; The test of life-meaning orientations, adapted by D. Leontiev; The questionnaire «Style of self-regulation of behavior — SSP-98» (V.I. Morosanova); «Personal factors of decision-making» (T. Kornilova); The Melbourne Questionnaire of decision-making (adapted by T.V. Kornilova; Tomsk Rigidity Questionnaire (G.V. Zalevsky). The study revealed differences in risk tolerance among representatives of different ethnic groups, as well as links between risk tolerance and personal self-regulation mechanisms in each ethnic group. Thus, regardless of ethnicity, risk tolerance provides high opportunities for regulatory autonomy and flexibility. However, with regard to more specific connections and the differences identified, it should be noted that the Chechen ethnic group is additionally characterized by links between risk-taking and operational components of self-regulation (which indicates that risk-taking ensures the stability of the overall system of self-regulation), as well as rationality. Negative associations between risk tolerance and rigidity were recorded for representatives of the Russian and Armenian ethnic groups.; Russian Russians additionally had positive associations with the «Control» scale of resilience, which indicates that for a Russian person, in many ways, the parameters of resilience determine their willingness to actualize their personal potential and act in a situation of uncertainty.

Keywords: self-regulation; risk-taking; rationality; resilience; rigidity; avoidance; independence; flexibility